

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 111
(2165)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. В. Фененко д. полит. н. «Ценностное противостояние. Россия прошла точку невозврата во внешней политике», опубликованная в «Независимой газете», № 198, 13.09.2022.

Вологда
сентябрь 2022

Ценностное противостояние.

Россия прошла точку невозврата во внешней политике

Утвержденная на минувшей неделе Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, на первый взгляд, расходится с современными тенденциями мировой политики. В мире, где говорят пушки и обсуждаются объемы поставок вооружений, гуманитарная политика кажется многим экспертам чем-то мало нужным или «вечно вчерашним» — пережитком довоенного мира. Что, впрочем, несправедливо. Значимость гуманитарной политики в таком мире только повышается. Ведь сама война, в соответствии с формулой немецкого стратега Карла фон Клаузевица, есть не что иное, как продолжение политики другими средствами: воюют не ради войны самой по себе, а ради построения нового мира. (Другой вопрос, каким будет этот мир и кому из игроков он будет приемлем, что и требует проведения гуманитарной политики.)

Понятие «мягкая сила» придумал в 1990 году американский политолог Джозеф Най, и с тех пор его термин завоевал международную популярность. Его «мягкая сила» означает достижение стратегических целей с помощью не силовых, а культурных и идеологических механизмов. Привлекательный образ страны может повернуть в ее пользу общественное мнение других государств. Но его теория «мягкой силы» — продукт американской политической культуры. В американском законодательстве право делится на «жесткое» (hard) и «мягкое» (soft). Первое — акты, обязательные для исполнения, а второе — право, отклонение от которого не приводит к санкциям, а ведет к моральному осуждению. «Мягкая сила» не имеет карательных санкций за неподчинение, но создает ситуацию, когда моральный призыв невозможно игнорировать.

Недооценивать «мягкую силу» опасно, о чем свидетельствует весь исторический опыт. Наполеоновская Франция, кайзеровская Германия, императорская Япония сначала проиграли войны информационные и только затем реальные: мир стал видеть в этих странах опасных и недоговороспособных агрессоров. Великобритания

и США, напротив, сумели подать себя как создателей нового мирового порядка, приемлемого для большинства государств. Советской победе в Великой Отечественной войне предшествовало создание позитивного образа СССР у западной левой интеллигенции, воспринимавшей его как последнюю преграду на пути фашизма. Гитлер не смог изолировать СССР идеей антикоммунизма, как планировал летом 1941 года. Пушки во многом только довершали то, что уже свершилось в сфере дипломатии и информационной политики, если использовать современные термины.

Однако действовать механически по лекалам Джозефа Наия на протяжении последних 30 лет Россия до недавнего времени не могла. Москва выступает за многополярный мир, что было открытым идеологическим вызовом США, к чему российское руководство и общество еще не были готовы. Да и провозглашение такой стратегии без сомнения вызвало бы жесткое противодействие со стороны элит многих постсоветских стран, постулировавших неприемлемость для себя восстановления единого государства на территории СССР. Ответом стали бы обвинения Москвы в «культурной агрессии», а то и «гибридной войне», усиление давления на русский язык и культуру. США без сомнения поддержали такое выдавливание России с постсоветского пространства.

Теперь Россия решила сформулировать свою идею «мягкой силы». Ее цель определена в Концепции гуманитарной политики как «формирование и укрепление объективного восприятия нашей страны в мире, содействие пониманию ее исторического пути, роли и места в мировой истории и культуре, расширение контактов между людьми». Звучит на первый взгляд как обычная бюрократичная формула. Но за этой формулой скрываются три компонента, которые означают, что Москва прошла в отношениях с Западом точку невозврата.

Первый компонент — постулирование консервативного проекта как основы идеологии российской «мягкой силы». Первым пунктом среди национальных интересов Российской Федерации в гуманитарной сфере за рубежом названа «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Констатируется, что в мире происходит борьба за культурное влияние, что побуждает ввести понятие «культурный код». Под ним понимаются русский язык и русская культура, а также историческое и культурное наследие многонационального народа России.

Второй компонент — закрепление на официальном уровне понятия «русский мир», правда, без четкого определения этого понятия. Зато в числе задач политики России в гуманитарной сфере указаны «защита, сохранение и продвижение традиций и идеалов, присущих русскому миру». 20 лет назад понятие «русский мир» подавалось как некая правоконсервативная идеология; теперь она получает официальное признание.

Третий компонент — формулирование (пусть и робкое) концепции евразийства. Речь идет о «синтезе европейского и азиатского начал», что, собственно, и составляет суть этой идеологии. В данном случае ставка делается на вполне евразийские структуры: страны СНГ, БРИКС, ШОС.

Все это, безусловно, делает невозможным возвращение к прежней парадигме отношений

с Западом как «Атлантическим сообществом». На едином пространстве США—НАТО—ЕС господствует леволиберальная идеология. Эти положения концепции — формулировка тотальной идеологической альтернативы со стороны России. Мы отныне не просто неинтегрируемы в «Атлантическое сообщество», а предлагаем консервативную ценностную альтернативу, бросая вызов левому либерализму. Понятие «русский мир» на Западе ассоциируется с намерением России пересмотреть итоги распада СССР в 1991 году. Так это или не так на самом деле — другой вопрос, но Москва больше не опасается формулировать свой проект в полосе бывшего СССР.

Россия заявила о себе не только как о военно-политической альтернативе США, не согласной с их потугами на гегемонию. Впервые после 1985 года она сформулировала свой альтернативный Западу ценностный проект. А значит, чем бы ни кончилась наша спецоперация в Украине, возвращение к новой «перезагрузке» образца 2009 года вряд ли возможно. Нынешняя волна отчуждения Москвы и Вашингтона уже необратима, ибо Россия теперь — ценностная альтернатива американоцентричному проекту.

Алексей Валерьевич Фененко

д. полит. н., доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова